

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Древний Замок

Древний каменный замок, серые стены, скоро начнут сливаться с темнотой сумерек, звук дождя, запах дождя, воздух, какой может быть только в дождь. И красивая женщина, гордо застывшая подле окна, в одиночестве, смотрит вдаль, на разбухшую от воды дорогу, ведущую в замок...

Земля еще помнит жар солнечного лета, поэтому от зеленых лужаек, раскинувшихся перед величественным строением, поднимается белесый пар, еще гуще этот пар вьется из виднеющегося невдалеке леса, который в наступающей темноте кажется таким, таинственным, далеким, загадочным... Белые тонкие клубы парят над землей, ухудшая и без того слабую видимость, и кажется, стремятся слиться с низко нависшими темно-серыми тучами, из которых беспрестанно хлещет дождь.

Женщина не отрывает взора от размокшей дороги, которая, причудливо петляя, уходит в дремучий лес...

Звук журчащей небольшой речушки, текущей серебряной лентой позади замка, смешивается с веселым потрескиванием камина в широкой, но уютно обставленной комнате. Пышные ковры на стенах чередуются с древними доспехами и оружием, на полу белоснежные теплые шкуры невиданных животных. На стенах пляшут причудливые тени от неровного пламени камина.

Древний темный замок, настолько древний, что даже сами камни, чья память одна из самых долгих, не смогут сказать, чьи руки укладывали их здесь, в этом таинственном и манящем первозданной красотой месте. Чья воля вырывала их из тенет мрака в невообразимых глубинах земли и переносила сюда, строя нечто совершенно, казалось, противоестественное этому месту, но, тем не менее, так удачно гармонирующие и сочетающиеся с ним.

Знала это только женщина, застывшая прекрасным изваянием у окна в одной из крепостных башен, один вид толщины и прочности стен которых мог напрочь отбить желание любого даже самого отчаянного полководца повести войска на приступ. Ее изящная высокая фигура таила в себе непонятную угрозу и скрытую силу. Тонкие черты лица, прямой нос, волевой рот, обрамленный алыми губками, и небесно-ледяной синевы глаза в купе с волнистыми волосами до середины спины цвета темного золота, делали женщину похожей на неведомую этому миру богиню. И кто знает, скажут умудренные опытом древние старцы, быть может, это не так уж и далеко от истины.

С наступлением ночи дождь лишь набирал силу. И без того темные тучи стали стучаться все сильнее и сильнее, отчего небо теперь казалось воротами в непостижимый безбрежный мрак. Лишь причудливо извивающиеся ветки молний, начавшие рождаться где-то в глубине этого мрачного хаоса, на миг освещали огненными всполохами черные клубы туч, заставляя отступить подкрадывающиеся наваждение, но только затем, чтобы через мгновение оно вернулось вновь, с новой силой.

Ночь накрыла землю непроглядным куполом, ни слабого сияния звезд, ни малейшего лучика блеклой луны. Мрак, темень и дождь. В такое время даже самый голодный и опасный хищник прячется глубоко в своей норе, не рискуя высунуть носа наружу.

Мирные пахари и селяне наглухо запирают все ставни и двери, бессознательно падая ниц перед святыми образами, моля их защитить и оберечь. Ибо бытует поверье, что именно в

такое жуткое ненастье выходит на охоту сама Владычица Смерти, и горе тому несчастному, кого она застанет в дороге, кто не успел вернуться и крепко запереться у себя дома. Муки его будут непередаваемыми, и любая пытка, которая могла бы прийти на извращенный ум заплочных дел мастеров Святой Инквизиции, покажется ему радостным наслаждением.

— Глупое поверье, если разобраться. Если уж эта Владычица Смерти такая могущественная, какой ее описывают, почему бы ей просто не разнести какую-нибудь деревню или даже крепость на мелкие кусочки, после чего вдоволь наслаждаться мучениями выживших? — глубокий тихий голос, сорвавшийся с губок женщины, казалось, звучит сразу отовсюду, рождая невозможное здесь эхо. Даже пламя на миг испуганно замигало и стало не так ярко гореть, да и потрескивание прекратилось, будто огонь и вправду решил не привлекать лишнего внимание обладательницы этого странного голоса. В комнате заметно потемнело.

— Вы как всегда правы, Госпожа, — нежный томный голос раздался из другого конца комнаты. В изящном арочном проеме стояла чарующая своей удивительной красотой девушка. Длинные стройные ноги, высокая пышная грудь, тонкая талия могли свести сума кого угодно, а если добавить к фигуре еще и идеальные черты лица с как будто нарочно увеличенными черными глазами и ярко-алыми губами и все это обрамить водопадом пышных золотистых локонов, то полученный эффект, наверное, почти каждый назвал бы запредельной красотой.

— Ах, Эльмира, я и не заметила, как ты подошла, — голос теперь звучал совершенно обычно, и притихший было огонь в камине из резного камня, снова принялся разгораться. Вот уже первые робкие язычки пламени начали вырываться за чугунное ограждение, косясь в сторону таинственной женщины у окна, словно пытаясь угадать ее настроение, чтобы дать сигнал своим, мол, теперь можно спокойно гореть и потрескивать.

— Ой, простите меня, Госпожа, что я так неловко нарушила Ваш покой, — в изумрудных переливах томного бархатного голоса сквозило искреннее сожаление и досада. — Я принесла вам ужин, моя повелительница. — С этими словами девушка, чью одежду составляли лишь черные босоножки на небольшой платформе с 15 см. шпилькой робко прошла в середину комнаты и волнующим грациозным движением поставила серебристый узорчатый поднос на стол из черного дерева, чья древность могла бы поспорить лишь с его же прочностью и основательностью. Вскоре на темной полированной поверхности появились небольшие блюда и графин с карминового цвета напитком, изысканности и вкусу которых позавидовали бы и на Вечном Пире Богов, куда по легендам попадают лишь доблестные войны, героически павшие в бою.

— Ты опять голая ходишь, — укоризненности в этом полу-вопросе полу-утверждении было ни на йоту.

— Да, моя Госпожа, по-другому я не хочу и не могу перед Вами ходить, — почти прошептала девушка, щеки ее при этом налились густым румянцем. Чувствовалось, что ей одновременно жутко неловко, но и дико приятно находиться в таком «наряде» перед той, кого она называла Госпожой.

— Какая же ты шлюха, Рен, — от этих слов, произнесенных в звенящей тишине (огонь в камине хоть и разгорелся, потрескивать пока не решался) таким властным голосом, лицо девушки, сервировавшей стол, все залилось краской стыда.

— Д-дааа, Госпожа, — ее голос дрожал от нахлынувшего возбуждения, впрочем, как и ее прекрасное тело. Дыхание стало учащенным и прерывистым.

Женщина, наконец, оторвала взгляд от унылого, мрачного пейзажа на улице и проследовала к столу с грацией, о которой кошки могут только мечтать. Ее длинные ножки обтягивали черные блестящие сапоги выше колен с металлической шпилькой. Кожаный темно-бордовый корсет выгодно подчеркивал и без того почти идеальные формы, на руках тонкие перчаточки под цвет сапог. Она вплотную подошла к задыхающейся от страсти девушке. Тонкие пальцы, затянутые в эластичную материю, черным пауком легли на белоснежную пышную грудь девушки, увенчанную темно-красным ореолом сосков, которые были сейчас тверже камня. От легкого, но в тоже время столь властного прикосновения у девушки вырвался громкий стон удовольствия.

Постепенно нежные ласки сменились более грубыми. Аккуратные касания сменились стальной хваткой, ее груди немилосердно мяли, словно тесто, размазывали по телу, возили из стороны в сторону, сводили их вместе, после чего тянули вверх, будто пытаясь приподнять все тело. Соскам тоже доставалось — их безжалостно выкручивали, цепко зажав между пальчиками. Через пару минут такой ласки Эльмира была готова кончить. Между ног у нее просто сочилось, она чувствовала себя такой похотливой, такой развратной, просто текущей самкой и больше никем. Осознание этого бичом стыда жгло ее душу, но результат был диаметрально противоположный — возбуждение лишь увеличивалось до предела. И с каждой стыдливой мыслью этот придел рос и рос, а за ним устремлялось ввысь и возбуждение.

— На колени, сука! — голос снова звучал громовым шепотом сразу отовсюду, и осмелевший было огонь в камине тут же сжался в трепещущий оранжевый комочек.

Обнаженная девушка тут же рухнула на четвереньки, призывно выгибая спину и вздергивая округлую попку. В правой руке у отдающей приказы женщины из воздуха соткался тонкий гибкий хлыст. Он был черен как ночь, раскинувшаяся за окном, и даже еще чернее, казалось, он поглощает любой свет вокруг, впитывая его в себя.

Свист рассекаемого воздуха и громкий звук удара хлыстом, заглушились нежным стоном, больше выражающим удовольствие, чем боль. На белоснежных ягодицах пролегла тонкая красная полоса. За первым ударом последовал второй, третий.

Эльмира покорно стояла на месте и принимала подобное наказание. За что? Разве это имеет значение? Госпоже так захотелось, а она должна делать все, чтобы удовлетворять любую прихоть своей повелительницы, тем более, что это так приятно. Приятно быть ЕЕ вещью, собственностью, бесправной рабыней, похотливой сукой, только и мечтающей о все новых и новых унижениях. С каждым обжигающим огнем ударом хлыста в ней поднималось желание служить Госпоже, принадлежать Госпоже и еще кончать, бурно проникновенно кончать от выполнения унижительных приказов и осознания себя никчемной шалавой, неведомо за какие заслуги удостоенной чести служить ЕЙ.

— Раздвинь ноги пошире, потаскуха, — голос гремел, казалось прямо у нее в ушах.

Эльмирене нравилось, когда ее называют подобными словами, от этого она заводилась еще сильнее. Она знала, что сейчас должно последовать, и ждала этого со смешанным чувством страха и предвкушения необычного удовольствия. Ее ожидания оправдались. Несильный, но достаточно хлесткий удар прошелся по ее промежности. Одного удара было достаточно, чтобы стройная белокурая девушка рухнула на пол и забилась в судорогах оргазма. Красивые глаза закатились, ротик исказился в гримасе непередаваемого блаженства. С влажных губок начали срываться громкие стоны, постепенно переходящие в нечто похожее на крик, только этот крик яснее ясного говорил не о боли, а о переживаемом наслаждении. За первым ударом

последовал еще один и еще, сила их с каждым взмахом руки постепенно нарастала. Девушка на полу была в полной дезориентации — вроде бы она только вернулась с головокружительных высот блаженства, как тут же очередной удар отправлял ее обратно. Непрерывающаяся цепь взрывов вселенского удовольствия, раз за разом рождающихся между ее длинных ног, отправляла ее на заоблачные высоты.

Эльмирена открыла глаза. Она лежала на полу, вся взмокшая. В камине мирно потрескивал огонь. По телу чудным эликсиром разливалось удовлетворение и блаженная легкость. Между ног, правда немного саднило, но это была сладкая боль. Поискав взглядом Госпожу, она обнаружила ту, сидящей у изголовья стола размеренно уничтожающую принесенные блюда. Мастерской работы кувшин из горного хрусталя был наполовину пуст. Девушка знала, что ей нужно делать. Встав на колени, она поползла к своей хозяйке. Это было что-то вроде ритуала — после каждой подобной порки Эльмирена была обязана благодарить свою повелительницу за преподанный урок, благодарить, вылизывая ее сапожки. Эта унижительная процедура всегда распяляла в ней похоть и желание, независимо от того, сколько раз до этого она кончила. Вот и сейчас, едва коснувшись язычком черной блестящей поверхности сапожек, она почувствовала волну страсти, прокатившуюся по всему ее телу. Вкус собственных выделений, оставшихся на хлысте, который она так же должна благодарить поцелуями и язычком, лишь усилил это чувство. Щеки при этом вновь стали пунцовыми.

— Встань, — голос неведомым образом снова звучал самым обыкновенным, хотя нотки властности никуда не пропали.

— Ты голодна? — теперь девушку окатила волна нежности, щедрым потоком льющейся из нежного заботливого голоса ее необыкновенной хозяйки.

— Ох, нет, Госпожа, что Вы+ — смущению Эльмирены от такого ласкового обращения не было придела.

— Но ты же с утра ничего не ела, — это было скорее утверждение, чем вопрос.

Девушка замялась и еще больше покраснела, не зная, что ответить.

— Хорошо, сука, тогда я тебя покормлю, — от этих слов, произнесенных столь властно и жестко, по телу Эльмирены пробежал поток жгучего желания.

Мгновением позже девушка уже сидела на крышке стола с широко разведенными ножками, прислонившись, спиной к стене. У ее влагилица красовалась миска со всевозможными экзотическими фруктами. В полном молчании Госпожа взяла из миски банан и, не говоря ни слова, принялась засовывать его в истекающее соком желания лоно девушки. Делала она это небыстро, но и, в общем-то, не церемонилась. По приглушенным вздохам Эльмирены невозможно было понять, нравится ей это или нет. Когда желтый фрукт почти исчез в теле тихо стонущей, но стонущей уже явно от удовольствия, девушки, Госпожа начала медленное возвращение этого дара природы обратно на волю. Нежный тихий стон — Эльмирена в очередной раз кончила.

Девушке казалось, что она не сможет пережить подобное унижение. В ней уже побывало половина фруктовой миски: и крупные зеленые виноградины, и оставшиеся бананы, и парочка крупных мандаринов, а так же апельсин и грейпфрут. Каждый фрукт сначала бывал в ней в кожуре, если таковая у него имелась, после чего вынимался, очищался и резался на аккуратные дольки. Потом эти дольки, вновь полностью погружались в нее часто вместе с тонкими пальчиками Госпожи, держащими их, и лишь затем отправлялись в рот. Слезы от переживаемого падения вновь и вновь чертили влажные дорожки на ее залитых краской

стыда щеках, но это лишь усиливало и без того бурные оргазмы, бесконечной чередой протянувшиеся во время ее ужина. Фрукты в «собственном соку» — так выразилась ее богиня, и только от одной этой унижительной фразы она была готова кончать вновь и вновь. Незаметно прошло пол ночи. Дождь и не думал ослабевать...
Как всегда — пожелания, предложения и свои фантазии вот сюда:
eleonora_bove@mail.ru